

НАЧАЛО нынешнего летнего театрального сезона принесло кишиневцам новые интересные открытия и премьеры. Это было и открытие неожиданных возможностей в известных всему миру «дягилевских» балетах Стравинского, и открытие прекрасной балетной труппы Маннгеймского национального театра из ФРГ, нанесший через полгода после гастролей Молдавского театра оперы и балета в Маннгейме ответный творческий визит. Мы познакомились и с яркими, интересными режиссерами-хореографами — Йохимом Герстером, которому принадлежит авторство в двух из спектаклей, показанных маннгеймцами, — «Пульчинелле» Стравинского и «Женщина моря» Сибелиуса, и англичанкой Розмари Гелливелл, год назад поставившей в этом международном коллективе необычную версию «Жар-птицы» Стравинского.

Три балета за два вечера, показанные дважды, и все постановки были разными и по направлению, и по ориентации каждый на своего зрителя. «Многостильный» балет с пением «Пульчинелла» претерпел в трактовке наших гостей изменения в сторону современного восприятия музыки. Вспомним: уже у Стравинского, использовавшего в нем неопубликованные сочинения Перголези, но фактически «пересочинившего» их, старинный стиль причудливо соединялся с хореографической и музыкальной лексикой XX века: Перголези представлял перед слушателем словно переодетым в современный костюм. В нынешней версии в это «пастиччно» добавились новые ингредиенты — из области поп-музыки, и прежде всего — сегодняшние образчики эстрадных итальянских песен в звуковом одеянии тембров синтезатора и хрипотцы Джанни Моранди. Веяния «коллаж-культуры», столь характерной для нашего времени, наложили отпечаток и на замысел всего балета. В нем царил игровая стихия условного театра, с юмором положений, с минимумом декораций, передвигаемых с невозмутимым спокойствием на глазах у зрителей, с забавной «заставкой» — председателем будущих персонажей «спектакля в спектакле». Идя от традиций

commedia dell'arte — знаменитого жанра итальянской «комедии масок» с постоянными фигурами Пьеро, Арлекина, Коломбины, Панталоне, постановщики усложняют их. Пульчинелла здесь — одновременно и Арлекин, и Пьеро, и неутомимый шутник, и незадачливый страдалец. В нем есть что-то и от куклы-марионетки, и от рус-

символов. Порой жестковатый, он далеко не всегда сам «напрашивается» на музыку Сибелиуса, полную затаенной лирической грусти. Однако вполне понятно и его соответствие психологии северного народа, суровой и горькой судьбе героев драмы. В хореографическом замысле отразилось и присущее Сибелиусу «одушевление» природы, восприятие ее единства с чело-

со Злом. Резкого расхождения с замыслом Стравинского поэтому в нем все-таки нет, хотя хореограф и отступает здесь от первоначального фонкинского сценария. Не увидит зритель в балете и знакомого Кащеева царства с кикиморами и чудовищами — его заменили змея и змея в подземелье, нет и благородного царевича и грустящих в неволе царевен. Заколдованный сад Кащей уступает место волшебному райскому пейзажу с белыми фигурами-статуями, а битва с Кащеем — сцене схватки с огнем, очень эффектным в своем «беге» по кругу. Зрелищность этого спектакля не воспринимается как нечто чуждое эстетике Стравинского, хотя известно, что он писал в свое время: «Музыка теряет часть себя, когда она представлена в виде балета. Глаза воспринимают впечатления легче, чем уши. Или музыка снижает ваше восприятие балета, или же балет, в свою очередь, уменьшает впечатление от музыки». Даже отсутствие живого оркестрового звучания (а нашим гостям в силу гастрольных условий пришлось давать музыкальный ряд спектакля в записи) не могло ослабить на этот раз впечатление — настолько яркое и неординарное прочтение партитуры средствами танца согласовывалось с внешним оформлением сцены и с незаурядным мастерством исполнителей: отточенной техникой и одухотворенностью танца Элеоноры Гори (Жар-птица), Кэри Дэвиса (Иван), Кармен Букэтару (Добро в образе русской девушки) и Коринны д'Анджело (Зло).

Четыре дня выступлений труппы Маннгеймского балета позволили оценить число любителей этого театрального жанра: ежедневно залы были наполнены зрителями. Радужные хозяева встречали гостей цветами, на каждую удачу охотно и доброжелательно откликаясь аплодисментами. И расставаясь на молдавской земле с полюбившимся коллективом, мы с удовольствием запомнили его самобытный творческий облик, его увлеченность искусством и особую притягательную силу обаяния его участников.

Г. КОЧАРОВА,
кандидат искусствоведения.

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

ЯЗЫКОМ ТАНЦА

ского балаганного Петрушки: недаром же Панталоне, в котором мы узнаем отца одной из двух лирических героинь балета, обрел в этой версии внешнее сходство с театральным чертом-Мефистофелем. «Пульчинелла» впервые представил зрителям и богатые возможности танцевальной труппы: многообразного и динамичного Кэри Дэвиса в роли главного героя, очаровательной Элеоноры Гори (Пимпелла, веселая и ревнивая подруга Пульчинеллы), забавной в своих ужимках и передвигающейся с шумом по сцене в тапках-«клубпах» Риты Лаурикайнен (служанка Джованна), и исполнителей молодых влюбленных Жизель Санторо, Нади Буссьен, Поля Пэйна и Зигбранда ди Ланге. Сочетание классики и характерного танца, простонародно-грубоватых или элегантно-изысканных движений помогли создать запоминающийся, серьезный и в то же время развлекательный спектакль.

Более строгий по тону, колориту и хореографическому решению балет «Женщина моря», поставленный по мотивам пьесы Ибсена на музыку Сибелиуса, также просматривается в ракурсе новых впечатлений. Здесь сыграла роль и своеобразная развязка, отходящая от концепции ранее показанного в Нью-Йорке, СССР и Швеции одноименного спектакля Кульберга на музыку Рихтера, и интересный танцевальный язык, полный аллегорий и

веком и его внутренним эмоциональным миром. Удачно найдены и изобразительные внешние элементы рисунка танцевальной композиции: имитация движений морских вод у кордебалета, использование лент-струй, олетающих или поддерживающих фигуру героини. Отказ от требований внешней красоты жеста, использование гимнастических, ритмопластических движений танца-модерн приближает этот балет к своего рода драме-пантомиме, обновляет сюжет ибсеновской пьесы в духе современного осознания противоречий действительности. Средствами этой хореографической драмы отлично владеют и пользуются и главные исполнители, выступившие во втором из виденых мною спектаклей и завоевавшие признательность публики — Надя Буссьен, Зигбранд ди Ланге, Вирджил Палеру (кстати, прекрасный Панталоне в «Пульчинелле»).

Второй из вечеров включил в себя также одноактный балет Стравинского «Жар-птица», яркий по сценическому решению и преобразенный до неузнаваемости фантазией Розмари Гелливелл. Вместо традиционных мотивов русских сказок в нем разворачивается экзотически-фантастический сюжет, полный философского смысла и в обобщенном виде отражающий извечную идею борьбы Добра